

ВЛИЯНИЯ ФАКТОРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ ЛИТВЫ

Хотя первоначально понятия «историческая память» и «историческая политика» формируются во второй половине XX в. в Германии, где они служили инструментами переосмысления периода нацистского режима и коллективного раскаяния за соучастие в его преступлениях, с начала XXI в. основной интерес исследователей в этой сфере прикован к государствам Центральной и Восточной Европы, включая страны Балтии, где факторы идентичности и исторической памяти приобретают особое значение в формировании политики.

Как и в остальных странах Балтии современная национальная идеология Литвы базируется на триаде из концепций «государственного континуитета» (преемственности) и «советской оккупации», а также лозунга «возвращения в Европу». В основе первой из них лежало разработанное в 1950-х – 1960-х гг. западногерманскими правоведами Б. Майснером и А. Лебером положение о том, что, поскольку включение стран Балтии в состав СССР происходило в нарушение основополагающих норм международного права и являлось незаконным, де-юре довоенные Литва, Латвия и Эстония не прекращали своего существования. Исходя из этого в 1990–1991 гг. данные страны объявили не о создании национальной государственности с нуля, как другие республики бывшего СССР, а о восстановлении своего суверенитета. Кроме того, Латвия в 1993 г. восстановила действие Конституции 1922 г., а Эстония – действие Закона о гражданстве 1938 г., что закрыло для русскоязычного населения, переселившегося туда в советский период, возможность автоматически получить гражданство этих стран.

С концепцией «государственного континуитета» была тесно связана концепция «советской оккупации», которая давала однозначную оценку всему периоду нахождения стран Балтии в составе СССР как периоду иностранной оккупации, сопровождавшейся репрессиями против их граждан. Соответственно, любые формы антисоветского сопротивления на территории данных стран героизируются, как борьба за национальное освобождение – даже те, которые были запятнаны активным коллаборационизмом с нацистской Германией в годы Второй мировой войны и соучастием в ее преступлениях.

Что касается лозунга «возвращения в Европу», в его основе была заложена идея, что страны Балтии культурно и исторически являются неотъемлемой частью европейской цивилизации, из которой они были насильственно вырваны на полвека включением в состав СССР. При этом политические элиты Литвы,

Латвии и Эстонии апеллировали к тезису, что их народы разделяют те же самые «общие европейский ценности свободы и демократии», что и государства Западной Европы. Впоследствии, когда в 1993 – 1994 гг. был дан старт процессам восточного расширения ЕС и НАТО этот тезис активно использовался ими, чтобы аргументировать необходимость скорейшего приема государств Балтии в эти объединения.

В случае Литвы, однако, воплощение этих концептов имело свои особенности. Хотя в Акте «О восстановлении независимого Литовского Государства» от 11 марта 1990 г. прямо говорится о преемственности с прежней государственностью межвоенного периода, в отличие от своих северных соседей, Литва отнюдь не стремилась вернуться к границам того периода. С октября 1939 г., когда, по мнению литовской стороны начался период неравноправных отношений между СССР и Литвой, она смогла получить от Советского Союза город Вильнюс и Виленский край, затем в 1940 г. – еще пять районов БССР, а в 1945 г. – Клайпеду. Таким образом, после включения в состав СССР территория Литвы существенно увеличилась. И отказываться от этих приобретений она не собиралась.

Литва не стала следовать примеру Латвии и Эстонии и в вопросе преемственности гражданства, выбрав «нулевой вариант», по которому гражданство смогли получить все жители страны, постоянно проживавшие на ее территории на момент восстановления независимости. Такой шаг объяснялся не только гораздо более низким процентом русскоязычного населения, переселившегося в Литву в советский период, но и наличием значительного польского меньшинства, которое компактно проживает в окрестностях города Вильнюс, т.е. на территориях, принадлежавших в межвоенный период Польше, а не Литве. Соответственно, ни они, ни их предки гражданами межвоенной Литвы никогда не были, но при этом никак не попадали в категорию иммигрантов. Отказ автоматически предоставить литовское гражданство этой группе населения мог бы спровоцировать возрождение прежнего польско-литовского конфликта 1920-х – 1930-х гг. из-за Виленщины.

С другой стороны, Литва фактически стала «законодателем моды» в продвижении концепции «советской оккупации», несколько опережая в этом вопросе Латвию и Эстонию. Так, в январе 1992 г. на встрече главы Верховного Совета Литвы В. Ландсбергиса с президентом России Б.Н. Ельциным были впервые озвучены требования возмещения Россией как страной-правопреемницей СССР ущерба за советскую оккупацию государств Балтии [2, с. 220]. В том же 1992 г. по образцу польского Института национальной памяти в Литве был образован Государственный центр исследований геноцида жителей Литвы (сейчас – Центр исследований геноцида

и сопротивления жителей Литвы), главными задачами которого стали уточнение ущерба, нанесенного стране советской оккупацией и героизация антисоветского сопротивления [3, с. 218].

Однако начавшаяся в середине 1990-х гг. подготовка к восточному расширению ЕС и НАТО и решительность политического руководства Литвы во что бы ни стало попасть в первый раунд этого расширения заставили его пересмотреть некоторые направления своей политики, в том числе и историческую политику. Прежде всего это выразилось в стремлении достичь «исторического примирения» с Польшей, что было обусловлено вполне рациональными соображениями. Дело в том, что шансы стран-кандидатов на вступление в эти объединения зависели не только от выполнения ими вступительных требований, но и от лоббирования конкретных кандидатур отдельными государствами-членами ЕС и НАТО, а также странами, имевшими наибольшие шансы попасть в ближайшую волну их расширения. Для государств Балтии такими лоббистами стали страны Северной Европы. Однако в Литве справедливо опасались, что если встанет вопрос о приеме стран Балтии в ЕС и НАТО не вместе, а по отдельности, то североевропейские государства отдадут предпочтение более близким к ним в культурно-историческом отношении Эстонии и Латвии. Поэтому в литовской политической элите крепнет убежденность, что для скорейшего приема страны в ЕС и НАТО жизненно важную роль будет играть поддержка Польши [1]. Чтобы заручиться такой поддержкой в 1990-е гг. проводится ряд важных литовско-польских встреч на высшем и высоком уровне, включая совместную инициативу президентов двух стран А. Бразаускаса и А. Квасьневского по проведению масштабной региональной конференции по безопасности в Вильнюсе в сентябре 1997 г. Кроме того был налажен постоянный диалог литовских и польских историков с целью сблизить позиции и преодолеть наиболее острые разногласия по спорным вопросам общей истории.

Вторым важным примером влияния европейской интеграции на литовскую историческую политику стал пересмотр позиции по поводу событий Холокоста на территории Литвы, которые имели здесь гораздо большие масштабы, чем в соседних Латвии и Эстонии. В начале 1990-х гг. правительство консерваторов было весьма неразборчивым в реабилитации жителей страны, пострадавших от преследования советских властей, и героизации участников антисоветского сопротивления. В итоге в число новых национальных героев попало немало лиц, не просто сотрудничавших с нацистами в годы немецкой оккупации, но и непосредственно участвовавших в массовых убийствах евреев. Международные еврейские организации, такие как Центр Симона Визенталя, подняли эту тему, и она приобрела широкий резонанс, что могло стать существенной преградой на пути Литвы в ЕС. Как отмечает Д.В. Ефременко,

тема общей вины за Холокост была основным нарративом формирования общей западноевропейской политики памяти и краеугольным камнем принципов толерантности и мультикультурализма, заложенных в основу европейской интеграции [3]. Поэтому столь пренебрежительное отношение литовской политической элиты к данному вопросу ставило под сомнение ее же аргументацию о приверженности Литвы «общим европейским ценностям». Осознав это литовское руководство предпринимает с середины 1990-х гг. существенные усилия по изменению имиджа страны в этом вопросе – включая официальные извинения на высшем уровне за участие литовцев в Холокосте и заверение, что виновные в этих событиях не уйдут от ответственности, а также ряд мемориальных мероприятий памяти жертв Холокоста в Литве. Однако, как показывает острая полемика, вызванная выходом в 2016 г. книги Р. Ванайгайте «Свои» об участии литовцев в этих событиях, литовское общество еще далеко от консенсуса по данному вопросу.

Таким образом, включение в европейскую интеграцию способствовало некоторому смягчению исторической политики Литвы и ее частичному сближению с западноевропейскими нарративами. В то же время, после вступления в ЕС, Литва совместно с другими странами ЦВЕ и Балтии активно продвигает в европейских структурах идею о «двух равно преступных тоталитаризмах» (сталинском и гитлеровском), что нашло отражение в документах Европарламента и ПАСЕ ОБСЕ.

Список источников

1. В Европу через Польшу – быстрее // Республика. – 1997. – 10 янв. – С. 3.
2. Володькин, А. А. Основные векторы внешней политики Литвы, Латвии и Эстонии в 1991–2014 гг. / А. А. Володькин. – Минск. : Беларуская навука, 2021. – 331 с.
3. Ефременко, Д. В. Наднациональная идентичность и политика памяти в Европейском союзе: импликации для России и постсоветского пространства / Д. В. Ефременко // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб., 2020. – С. 61–72.
4. Зверев, К. А. Историческая политика современной Литвы и Польши: сравнительный анализ / К. А. Зверев // Диалог со временем. – 2022. – № 81. – С. 216–225.